

Ли Синьтянь лишился отца и братьев, и если не считать Чу Иланя, который находился в столице, он остался для него единственным близким человеком. Однажды став учителем, он на всю жизнь оставался отцом. Ли Сянь был готов отдать ему всё, что у него было, но лишь свое сердце он подарить не мог. Три года назад тот, кто был хитер, словно лис, подло выманил это сердце, а потом растоптал его, не задумываясь. С таким трудом собрав его по кусочкам, Ли Сянь давно решил, что даст ему свободу лететь, куда вздумается.

Слезы капали одна за другой, но выражение лица Ли Сяня не смягчилось ни на йоту.

Поняв, что даже притворная жалость больше не приносит результата, Ли Синьтянь уже было собрался прибегнуть к детским уловкам вроде Я хочу конфетку, я хочу игрушку, чтобы проверить, сработает ли это, но Ли Сянь лишь отмахнулся: Прекрати. Только не это. Ни твои капризы, ни упрямство здесь не помогут. Условия честные, никакой торговли.

Хм, я понял, — проворчал Ли Синьтянь, сердито пиная землю. Какая еще честность? Просто он по-прежнему считает меня ребенком. Стоит мне держаться учителя, как когда-нибудь он поймет, каким выдающимся мужчиной я стал. И тогда, хе-хе...

Ли Сянь смотрел на руки Ли Синьтяня, обнимавшие его за талию, и невольно вздохнул. Очевидно, его слова не произвели на юношу никакого впечатления. Маленький ученик вырос, и то, чего он хочет, он больше не выпустит из рук.

Изначально он планировал, что Ли Синьтянь соберет вещи и отправится в путь завтра утром, вслед за Чэнь Линся. Как только Чэнь Линся вернется домой, Чу Илань узнает, что Ли Сянь все еще жив, и наверняка помчится сюда. Ли Сянь не хотел новых конфликтов или связей, поэтому лучшим решением было скрыться. Но теперь он сомневался: стоит ли брать Ли Синьтяня с собой?

Поколебавшись, он все же велел юноше потихоньку собираться.

Однако Ли Сянь был всего лишь человеком, и многие вещи были ему неподвластны.

На следующий день Чэнь Линся отправился в путь. Вдвоем, с лисенком на руках, они проводжали его до самой окраины города. Конь, взметнув облако пыли, умчался вдаль, и лишь когда фигура Чэнь Линся исчезла за горизонтом прямой дороги, Ли Сянь вернулся. Войдя во двор, он не обратил внимания, что ворота открыты, но, переступив порог дома, замер.

Маленький лисенок у его ног жалобно заскулил и потянул за штанину, а из-за спины послышался скрежет зубов Ли Синьтяня.

В самом центре комнаты, невозмутимо восседая на стуле, находился Чу Илань. На его красивом лице играла знакомая хитрая улыбка, а императорское облачение лишь подчеркивало его ослепительное величие.

Наконец-то вернулся. Я ждал тебя довольно долго, — он поднял чайную чашку, которую взял без спроса в отсутствие хозяина, и пригубил напиток. — Во дворе виноградник, чай — свежий лунцзин, собранный этой весной. А Сянь, ты устроился весьма уютно.

Подхватив лисенка, Ли Сянь молча прошел мимо Чу Иланя в дальнюю комнату.

Что можно было сказать, испытывая эту смесь горечи, тоски и досады? Три года назад я отпустил тебя, чтобы спасти себя. Неужели спустя три года ты так и не понял, что только отпустив меня, сможешь спасти самого себя?

Зачем искать встречи, лишь умножая страдания друг друга?

Когда Чэнь Линся ухаживал за хозяйкой трактира, он каждый полдень приходил обедать и оставался там на несколько часов. Чу Илань, чьи интеллектуальные способности явно не шли ни в какое сравнение с его, теперь использовал тот же примитивный метод.

Метод был глупым, а значит — неэффективным.

Если уж простая женщина с рынка не поддалась на этот навязчивый маневр, то чего ожидать от Ли Сяня, который оставил мирскую суету и нашел покой в уединении?

Ли Сянь, спрятавшись за стойкой, размышлял: пылкие ухаживания Чэнь Линся длились три года, два месяца и семь дней. Как долго хватит терпения у Чу Иланя?

Это не ожидание, сказал он себе, просто любопытство.

За исключением первого дня, Чу Илань приходил в обычной одежде, без охраны. Однако Ли Сянь знал, что сотни императорских гвардейцев давно окружили его дом и примыкающую к нему гостиницу, наблюдая день и ночь, чтобы он не сбежал.

Неужели он так и не отпустит меня? — Ли Сянь горько усмехнулся. Даже лишившись способностей к культивации, если он захочет уйти, никто, даже Чу Илань, владеющий миром, не сможет его удержать.

Он загибал пальцы: терпения Чу Иланя хватило ровно на семь дней. Вечером седьмого дня скрытые стражники показались на виду, выстроившись рядами у дверей. Чу Илань, сменивший одежду на императорское одеяние, вошел в дом с суровым видом. Он сказал: А Сянь, у меня нет времени ждать. Сегодня я заберу тебя в столицу, даже если придется применить силу. А извинения... я буду просить прощения всю оставшуюся жизнь.

Ли Синьтянь закатал рукава, скрежеща зубами: Ты посмеешь! Учитель, не бойтесь, я защищу вас.

Ли Сянь выставил руку, останавливая его. Если судить только по боевым навыкам, Ли Синьтянь, возможно, и не уступал Чу Иланю, но если учитывать гвардейцев за дверью, слова юноши теряли всякий вес. К тому же, ему не требовалась защита ученика.

Чу Илань, я уже уступил тебе трон. Теперь ты — повелитель Поднебесной, первый человек в империи. Зачем же так упорно преследовать меня?

А Сянь, я знаю, что причинил тебе много зла. Твой гнев и ненависть мне понятны. Сейчас я не стану разбрасываться сладкими речами, ты все равно им не поверишь. Идем со мной, однажды ты поймешь, что у меня на сердце. На этот раз Чу Илань искренен.

Я не сомневаюсь в твоей искренности, и я не злюсь и не ненавижу, — Ли Сянь насмешливо улыбнулся. — Идти с тобой? А что потом? Скажешь всем во дворце, что прежний император Сянь на самом деле не умер? Чтобы ты продолжал властвовать над миром, который захватил с помощью хитроумных интриг, а я — прятался в углу дворца, став твоим тайным любовником без капли свободы? И чтобы я, подобно пешке, подчинялся тебе, когда тебе будет угодно?

Ты беспокоишься только об этом? Я построю тебе резиденцию за пределами дворца.

Разницы нет. Не будь таким жадным. Ты получил власть над миром — этого должно быть достаточно.

Ли Синьтянь переводил взгляд с Ли Сяня на Чу Иланя, не в силах поверить услышанному. Что за любовь? Что за искренность? Оказывается, учитель и Чу Илань...

Если бы он не слышал, как твердо Ли Сянь отказывает сопернику, он бы точно впал в истерику. Но тяжелая атмосфера в комнате лишила его дара речи.

Ли Сянь отвел взгляд, стараясь не замечать мольбы в глазах Чу Иланя. Он сам стал безжалостным, в то время как тот — чувствительным. Он потратил три года, чтобы забыть о любви, а тот потратил три года, чтобы полюбить того, кого сам же и ранил. Если он продолжит смотреть, то снова попадет в мягкую ловушку и совершит ошибку, о которой будет жалеть всю жизнь.

Я больше никогда не позволю тебе уйти. А Сянь, ты человек редкого таланта, и во всем мире только я достоин быть рядом с тобой!

А я хочу быть просто обычным человеком. С древних времен сколько героев превратилось в прах, а все победы и поражения — лишь суета. Да, твой интеллект не уступает моему, и теперь ты император, вызывающий трепет. Но в чем-то мы слишком похожи: ты ставишь власть выше всего, а я превыше всего ценю свободу. Любовь для нас обоих — лишь второстепенное. Никто из нас не хочет уступать, поэтому мы никогда не сможем быть вместе. Так что твои чувства я принять не могу. Уходи, Чу Илань, не вынуждай меня окончательно разорвать отношения.

Чу Илань рассмеялся: Разорвать отношения? А Сянь, остались ли у тебя силы, чтобы противостоять мне? Идем со мной, если мы начнем драться, я боюсь задеть твоего драгоценного ученика.

Ли Сянь усмехнулся: После того как я ушел от тебя три года назад, я отправился на юг. Там я случайно нашел одно письмо и узнал из него великую тайну.

Чу Илань перестал улыбаться, его лицо помрачнело.

Письмо было написано тобой моему старшему брату Ли Ле. Ты подстрекал его использовать силы государства Хуэрчи для узурпации трона, помог разработать детальный план и даже предоставил яд Клана Тан. Позже, на моей свадебной церемонии, от этого яда погибло множество сановников. А затем государство Хуэрчи, усилив свое влияние, вторглось в Центральную равнину, развязав войну. И ты — режиссер этой трагедии и единственный, кто извлек из нее выгоду. Тот, кого я когда-то загнал в угол и превратил в узника, воспользовался случаем, чтобы не только восстать из пепла героем нации, но и взойти на этот трон. Разве не так?

Проницательный взгляд вонзился в Ли Сяня: Ты угрожаешь мне?

Раз уж ты так это называешь, пусть будет так. В последние годы страна только начала приходить в себя, люди хотят покоя. Если бы ты был усердным и достойным императором, я бы навеки похоронил эту тайну. Но ты не должен был вынуждать меня. Ты сам это напросился.

Где письмо?

Разумеется, не со мной. Если ты позволишь мне уйти, с этого дня никто и никогда его не увидит.

Чу Илань пристально смотрел на него, словно пытаясь прожечь взглядом дыру. Время замерло. Спустя долгое время Чу Илань сжал зубы и произнес: Хорошо, я отпущу тебя.

Это был результат, которого он добивался, но на сердце Ли Сяня стало невыразимо тяжело. Чу Илань действительно полюбил его, но недостаточно сильно. В его сердце высшей ценностью по-прежнему оставался трон.

Обернувшись на радостного Ли Синьтяня, он поклонился Чу Иланю: Благодарю. У меня есть еще одна просьба.

Говори. У меня все равно нет выбора.

Пожалуйста, заberi Синьтяня в столицу и позаботься о нем.

Нет! — как только слова слетели с губ, Ли Синьтянь, словно в железных оковах, обхватил Ли Сяня. В его широко распахнутых глазах мольба сменилась отчаянием. — Почему вы бросаете меня?

Потому что ты просишь того, чего я дать не могу. Отпусти, Синьтянь. Уйти с Чу Иланем — лучший выбор и для тебя, и для меня.

Я не отпущу! — руки сжались еще крепче.

Чу Илань наблюдал за происходящим с хитрой усмешкой, словно ожидая представления.

Ли Сянь вздохнул: неужели придется сказать правду, чтобы он наконец оставил надежду?

Хорошо. Если после моих слов ты не отпустишь меня, я возьму тебя с собой.

Ли Синьтянь непонимающе уставился на него.

Твой отец и брат... на самом деле я отдал приказ убить их, когда был у власти.

Словно пораженный молнией, Ли Синьтянь разжал руки, которые бессильно упали вдоль тела. Он попятился назад, остекленевшим взглядом глядя на учителя.

Вы врете? Учитель, вы просто хотите избавиться от меня, поэтому придумали такую ложь, чтобы я отступился, правда?

Ли Сянь покачал головой: Подумай сам. Твой отец был виновен в смерти моей матери. Разве я мог позволить ему жить, когда он оказался в моих руках?

Лицо юноши в одно мгновение исказилось. В глазах вспыхнула ненависть, правая рука сжалась в кулак так сильно, что ногти вонзились в кожу, и из ранок закапала кровь.

Понимая, что Ли Синьтянь обладает серьезными навыками, Чу Илань одним прыжком преградил ему путь к Ли Сяню.

Однако Ли Синьтянь не сдвинулся с места. Сильно прикусив бледную нижнюю губу, он словно из последних сил боролся с внутренней болью и противоречиями.

Последние две просьбы: позаботься о моем лисенке и одолжи мне лошадь, — сказал Ли Сянь, обращаясь к Чу Иланю.

Выйдя за дверь с пожитками, Ли Сянь никому из них не сказал До свидания. Удар кнута по

спине лошади — и гнедая кобыла с ржанием сорвалась с места, поднимая облако пыли. Когда окружающий пейзаж начал стремительно удаляться, позади послышался полный боли, разрывающий душу крик Ли Синьтяня:

Учитель!

Если он все еще зовет его учителем, значит, он простил?

В последующие два года этот голос часто отдавался в голове Ли Сяня.

На этот раз он действительно отправился в путь в одиночестве...

Прислушавшись, можно было заметить, что в крике Ли Синьтяня слышался и громкий смех Чу Иланя.

А Сянь остался прежним — таким же свободным, таким же беспощадным. Взмахнул рукавом, не унося с собой даже клочка облака.

Вернувшись в столицу, Чу Илань признал Ли Синьтяня племянником императора и даровал ему титул князя Ань, поставив во главе всех чиновников. В то время отчим Чэнь Линся уже занимал важный пост при дворе, и вся семья переехала в столицу, однако сам Чэнь Линся не стремился к должностям, продолжая вести праздный образ жизни. Несмотря на огромную занятость, каждый месяц Ли Синьтянь на несколько дней покидал столицу, бесцельно разыскивая следы Ли Сяня. Он больше не просил помощи у Жо Лицзюня, на этот раз он хотел найти учителя своими силами.

Впрочем, что толку, если бы он нашел его? Подобные мысли никогда не приходили в голову Ли Синьтяню.

Так в тишине протекли два года, словно прозрачный ручей, не оставив после себя ни следа.

На шестой год правления Чу Иланя на юге тайно зародилась новая религия. Культ Поклонения Солнцу изначально был лишь новомодным течением в маленьком городке Цзяннань, а его основатель, как говорили, был воплощением бессмертного, обладающим великой магической силой. Поначалу последователей было немного — лишь несколько сотен суеверных жителей городка Цзянлю, и двор не обращал на это внимания. Но всего за три года Культ Поклонения Солнцу охватил весь Цзяннань, число верующих росло с каждым днем, а сила культа крепла. В конце концов, двор больше не мог оставаться в стороне и отправил князя Ань, Ли Синьтяня, с огромной армией на подавление культа.

К тому времени городок Цзянлю уже не был прежним захолустьем. Весь город превратился в штаб-квартиру культа. Вдалеке виднелись высокие крепостные стены — теперь это была мощная, хорошо укрепленная военная база радиусом в сотни ли.

Армия начала осаду сразу по прибытии. К удивлению Ли Синьтяня, авангард без труда ворвался в город, но затем затерялся в лабиринтах улиц и попал в засаду, полностью погибнув. По словам немногих выживших солдат, город был перегорожен высокими стенами, словно лабиринт, а внутри были густые леса, войдя в которые, люди начинали ходить кругами и не могли найти выход. Силы врага казались не столь значительными, но незнание дорог и скрытное расположение противника делали их неуязвимыми.

Ли Синьтянь был потрясен. Он думал, что Культ Поклонения Солнцу — лишь сброд, который не сравнится с элитными войсками империи. Он ожидал, что армия легко сотрет культ в порошок, но вместо этого первая же битва обернулась катастрофой с большими потерями.

Не смея продолжать наступление, Ли Синьтянь ограничился блокадой города. Десять дней армия осаждала Цзянлю, но враг так и не появился. Стотысячное войско ежедневно расходовало огромные запасы провизии, не добившись никаких успехов, а при дворе чиновники постоянно обвиняли князя Ань в некомпетентности. Ли Синьтянь оказался в безвыходном положении.

И когда он уже был на грани отчаяния, на восьмой день пришел неожиданный перелом.

Вечером, когда Ли Синьтянь обсуждал с генералами стратегию, вошел солдат и, опустившись на одно колено, подал сверток.

Докладываю генералу: только что пришел мужчина и передал это вам.

Развернув свиток, Ли Синьтянь замер. Это было то, что ему было нужно больше всего — карта города Цзянлю!

Кто принес это?

Молодой человек, лет двадцати с лишним, говорил с акцентом жителей столицы. Сначала я не хотел передавать вещь тайно, но он сказал, что он — учитель генерала, и тогда я...

Не дослушав солдата, Ли Синьтянь вихрем вылетел из шатра.

Ли Сянь прибыл в Цзянлю полтора года назад, когда Культ Поклонения Солнцу только зарождался, а перестройка города только начиналась. Это была лишь одна из остановок в его скитаниях, и он остался здесь по чистой случайности — просто закончились деньги на расходы. Ли Сянь устроился поваром. Он планировал подзаработать и уйти, но в подозрительной деятельности культа учуял дух мятежа. С древних времен было бесчисленное множество случаев, когда религию использовали для сбора средств и вербовки с целью последующего переворота. Ли Сянь был уверен, что культ — один из таких примеров.

Он не хотел вмешиваться, но и стоять в стороне не мог.

Иногда ему становилось смешно: династия сменилась, страна больше не принадлежала ему, почему он продолжает беспокоиться?

Ли Сянь остался под видом повара, внедрился в культ и тайком нарисовал эту карту, подробно отметив не только пути в лабиринте, все ловушки, но и расположение войск.

Перестроенный город Цзянлю был козырем культа, но с этой картой победа была за империей.

В пустом армейском шатре Ли Сянь скучающе считал время.

Отдавая карту, он догадывался, что Ли Синьтянь, скорее всего, приедет, но не ожидал, что тот заточит его под стражу.

Он представлял, как при встрече Ли Синьтянь радостно бросится к нему или будет гневно обличать бессердечного учителя. Но в итоге юноша просто стоял в шаге от него, молча глядя сложным взглядом.

Пять лет назад маленький ученик был прыгучим ребенком без тени сомнения, два года назад — походил на плод, готовый созреть, полный юношеской свежести. Но сегодняшний Ли Синьтянь уже умел выражать безмолвную тяжесть одним лишь взглядом. Детям суждено вырасти. Ли Синьтянь больше не говорил восторженно, не бросался на него, как большая собака. В его глазах, где копились глубокие тени, Ли Сянь отчетливо ощущал опасность, присущую взрослому мужчине.

Это было скорее заточение, хотя его лишь держали под охраной в шатре, не позволяя выходить, но в еде и одежде не было недостатка.

Солдат, приносивший еду, не разговаривал с ним, Ли Синьтянь тоже не показывался. Ли Сянь мог лишь слушать каждый звук снаружи через плотную ткань шатра.

После затишья однажды загремели барабаны, донеслись крики, которые вскоре утихли. А спустя день он услышал звуки праздничных литавр.

Так быстро победили? За два года тренировок маленький ученик вырос в умелого полководца.

Ли Сянь искренне радовался за него, но не мог не думать о своем будущем. Ли Синьтянь так сильно изменился, что Ли Сянь больше не знал, какого цвета его сердце теперь.

Человеческое сердце — самая непостижимая и изменчивая вещь. Но как бы сильно оно ни менялось, разве не остается в нем старых черт, которые трудно стереть?

Полог шатра колыхнулся, внутрь ворвался яркий солнечный свет, нарушив замкнутость

пространства.

Ставший намного выше Ли Синьтянь стоял перед ним, словно стена, отбрасывая тень, которая накрыла Ли Сяня.

Время текло в молчаливом противостоянии. В глазах Ли Синьтяня все больше читалось нетерпение, а Ли Сянь становился лишь невозмутимее.

Как бы он ни притворялся серьезным, в глубине души он все еще оставался нетерпеливым ребенком.

Первым, как и ожидалось, заговорил Ли Синьтянь: Культ уничтожен. Благодарю за помощь.

Тогда покажи искренность своей благодарности.

Сянь...

Не называешь меня учителем?

Ли Синьтянь проигнорировал его насмешку: Мы захватили много золота и драгоценностей в штабе культа. К тому же у меня под началом стотысячная армия и достаточно провизии. Я собираюсь направить войска на север, прямо к столице.

Ли Сянь был поражен, а затем саркастично добавил: Трон? Неужели даже ты не смог устоять перед его соблазном?

Ли Синьтянь с гневом хмыкнул: Если я не захвачу этот трон, смогу ли я удержать тебя, вырвав из рук Чу Иланя? Два года назад он сказал, что только он достоин тебя во всем мире. Я хочу показать тебе, что я, Ли Синьтянь, ничем не хуже него!

<http://bllate.org/book/21139/2144078>